

Библейско-богословская коллекция
Историческая серия

Лебедев А.П.

**ИМПЕРАТОР
КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ
В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ**

Душеполезное чтение, 1886, I, № 2, с. 161-196

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ИМПЕРАТОРЪ КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Вліяніе христіанской религіи на нравы и поведеніе человѣка.—Религіозная сторона жизни Константина: выраженіе его личнаго благочестія, —вѣра въ небесную помощь;—отношенія его къ предстоятелямъ Церкви: сближеніе съ ними, бесѣды съ многими изъ нихъ, характеръ этихъ бесѣдъ, —почтеніе и уваженіе къ тѣмъ же предстоятелямъ Церкви, выражавшееся въ сужденіяхъ его о достоинствѣ іерархическаго сана, въ смиренномъ выслушиваніи папскихъ поученій, въ сотрапезованіи и перепискѣ съ ними;—дворецъ Константина, обычаи и порядки въ немъ, какъ доказательства религіозности царя; христіанскія украшенія дворца;—заботы Константина о благолѣпнѣ храмовъ:—религіозно-христіанское учительство Константина: степень образованности царя и направленіе ея, знакомство его съ философій, Свящ. Писаніемъ, современною церковною литературой, —гдѣ выступаетъ Константинъ въ качествѣ религіозно-христіанскаго учителя?—Кто были его слушателями?—Какія темы для своихъ поученій избиралъ онъ?—Заботы государя о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, черты изъ жизни его семьи.—Нравственная сторона жизни Константина: личные нравственные качества его, трудолюбіе и простота домашней жизни;—обличеніе имъ нравственныхъ недостатковъ у другихъ, — примѣры челоуколюбивыхъ отношеній царя, —благотворительность, —развлеченія царя и ихъ характеръ.—Какъ готовится себя къ смерти Константинъ и умираетъ?—Наименованія, усвоенныя ему въ исторіи.—Вліяніе образа дѣятельности Константина на послѣдующихъ византійскихъ императоровъ.

«Мнѣ стыдно было бы предъ самимъ собой—о царѣ, который чтилъ Бога съ величайшимъ благоговѣніемъ, не сказать по силамъ хотя чего-либо малаго и слабago».
Церк. истор. *Евсевія*.

Одинъ знаменитый англійскій историкъ (Гиббонъ), въ высшей степени талантливый ученый, но не свѣрующій въ божественное происхожденіе христіанской религіи и не при-

знающій значенія и могущественной силы за этою религіей, говорить: «добродѣтельная жизнь древнихъ христіанъ, подобно добродѣтельной жизни первыхъ Римлянъ, очень часто охранялась бѣдностію и невѣжествомъ». Другими словами, по мнѣнію указаннаго историка, древніе христіане вели добродѣтельную жизнь потому, что они не имѣли матеріальныхъ средствъ, чтобы доставлять себѣ разнообразныя грѣховныя наслажденія, да и не имѣли по своей неразвитости вкуса къ такого рода наслажденіямъ.

Лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія помянутаго историка будетъ, если христіанская исторія укажетъ на какое-либо знаменитое лицо, которое жило во времена древней христіанской Церкви, отличалось образованностію и имѣло полную возможность удовлетворять всѣмъ своимъ, даже самымъ прихотливымъ желаніямъ, но которое однакожь, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ христіанской религіи, вѣрно слѣдовало правиламъ христіанскаго благочестія, запечатлѣло свою жизнь тѣмиже добродѣтелями, какими славилась самые бѣдные и неученые люди изъ числа первенствующихъ христіанъ.

Нѣтъ сомнѣнія, христіанская исторія можетъ указать на много лицъ, которыя при всей образованности и при всемъ довольствѣ въ матеріальномъ отношеніи, проводили добродѣтельную жизнь и не видѣли ничего заманчиваго и соблазнительнаго для себя въ разнаго рода наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, которыя можно купить за деньги, но которыя противорѣчатъ долгу и обязанностямъ истиннаго христіанина. Но между этими многими лицами едвали не одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести первому христіанскому императору Константину Великому.

Константинъ прервалъ рядъ языческихъ императоровъ, управлявшихъ римскимъ государствомъ, сталъ на сторонѣ христіанскаго народонаселенія имперіи. Событіе чрезвычайно важное во всемірной исторіи! Но еще важнѣе то, что Константинъ на собственномъ примѣрѣ показалъ, ка-

кое могущественное дѣйствіе имѣеть христіанство на нравственное усовершенствованіе человѣка, какой коренной переворотъ производитъ въ его жизни, открывая для него благороднѣйшія цѣли и давая средства для ихъ возможнаго осуществленія. Едва ли вслѣдствіе простой случайности Константинъ управлялъ имперіей частію одновременно, частію непосредственно послѣ такихъ языческихъ императоровъ, нравы которыхъ представляютъ совокупность всего худшаго. Кто такіе были западные императоры—Максиміанъ, Максенцій и восточные—Галерій, Максиминъ и Лициній? Въ нашу задачу не входитъ характеристика этихъ недостойныхъ римскихъ императоровъ конца III и начала IV вѣка. Скажемъ только одно: самое пылкое воображеніе едва ли въ состояніи представить себѣ то, что извѣстно о нихъ по свидѣтельствамъ исторіи. Пьянство, объяденіе, необузданное распутство, бессмысленное кровопролитіе, тираннія—вотъ сфера, въ какой вращались эти послѣдніе изъ языческихъ римскихъ императоровъ. Исторія, поставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ первымъ христіанскимъ императоромъ, тѣмъ представляетъ разительнѣйшее доказательство, какіе различные плоды давали двѣ религіи—древняя-языческая и новая-христіанская.

Церковный историкъ Евсевій, описавшій дѣятельность перваго христіанскаго императора въ сочиненіи: «Жизнь Константина» и являющійся, какъ онъ самъ говоритъ, «истолкователемъ мыслей» этого государя, находитъ много назидательнаго въ характерѣ и поступкахъ изображаемаго его перомъ лица. «Самъ Богъ, замѣчаетъ историкъ, показалъ въ Константинѣ мужа, служащаго урокомъ благочестиваго назиданія» (I, 4) ^{а)}. Ибо императоръ, по словамъ Евсевія, «преуспѣвалъ въ добродѣтели и изобиловалъ плодами благочестія» (I, 9). Историкъ увѣренъ былъ, что

^{а)} Цитаты въ текстѣ безъ обозначенія сочиненія указываютъ на Евсевіеву *Жизнь Константина*.

сказаніе его въ состояніи возбудить «подражаніе подвигамъ царя и возжечь въ сердцѣ жажду христіанскаго совершенства» (I, 11).

Дѣйствительно жизнь Константина представляетъ много какъ достойнаго удивленія, такъ и подражанія. Его глубокая религіозность составляетъ средоточіе его дѣятельности. Онъ самъ говорилъ: «я твердо вѣрую, что всю свою душу, все чѣмъ дышу, все, что только обращается въ глубинѣ моего ума, мы обязаны приносить въ жертву великому Богу» (II, 29), и доказалъ на дѣлѣ, что эти слова его были вполнѣ искренни и правдивы. Въ обыденной жизни Константина встрѣчаемъ все то, чѣмъ всегда запечатлѣвается жизнь благочестиваго христіанина. Его молитвы къ Богу усердны и ревностны. Онъ «ежедневно въ извѣстные часы заключался въ недоступныхъ покояхъ своего дворца и тамъ наединѣ бесѣдовалъ съ Богомъ, въ молитвахъ преклоняя колѣна и испрашивалъ потребнаго себѣ» (IV, 22). Но государь не довольствовался однѣми дневными молитвами, ночью онъ также вставалъ на молитву, лишая себя обычнаго отдохновенія ^{б)}. Евсевій не безъ основанія находитъ, что по своему усердію къ молитвѣ царь походилъ скорѣе на священника, чѣмъ на простаго мірянина (IV, 22). Особенно усугублялъ молитвенный подвигъ Константинъ въ ночь на Пасху, проводя всю ее въ бесѣдѣ съ Богомъ (Ibid.). Для благочестиваго христіанина чтеніе св. писанія составляетъ потребность. Тоже находимъ и у перваго христіанскаго императора. Чтеніе св. писанія онъ считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ (I, 32). Для этого занятія, какъ и для молитвы, онъ отнималъ у себя часы ночнаго покоя (IV, 29). Онъ не только соблюдалъ посты, положенные Церковію, но и налагалъ на себя произвольные посты, почитая ихъ однимъ изъ лучшихъ средствъ угодить Богу (II, 14). Предметомъ особеннаго религіознаго чествованія для Константина служилъ святой

б) Евсевія: Похвальное слово Константину, гл. 5.

крестъ, о которомъ онъ говорилъ всегда съ величайшимъ благоговѣніемъ (II, 55). Читить память святыхъ мучениковъ—онъ считалъ своимъ неизмѣннымъ долгомъ (III, 1), Внѣшними знаками его благочестиваго настроенія были: осѣненіе крестнымъ знаменіемъ (III, 2), воздѣяніе рукъ и колѣнопреклоненіе (IV, 22).

Съ особенною силой проявлялась религіозность Константина и его вѣра въ могущество христіанскаго Бога во всѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ его жизни, какъ тяжелыхъ, такъ и радостныхъ. Константину, какъ извѣстно, приходилось дѣлать много военныхъ походовъ. И въ каждомъ изъ этихъ походовъ императоръ обнаруживалъ всѣ лучшія чувства христіанина. Онъ заявлялъ, что не тотъ побѣждаетъ въ войнѣ, кто лучше вооруженъ, а кто снискалъ расположеніе Божества. По словамъ Евсевія, Константинъ, «вооруженіе и множество войска считая средствами второстепенными, признавалъ непреоборимымъ и несокрушимымъ только содѣйствіе Божіе» (I, 27). И дѣйствительно при одномъ случаѣ Константинъ говорилъ: «надежды войска должны основываться не на коняхъ, не на вооруженіи, не на силѣ тѣлесной, ему больше всего надобно знать, что податель всякаго блага и самой побѣды есть Богъ» (IV, 19). Сообразно такнмъ воззрѣніямъ, Константинъ обыкновенно предавался пламенной молитвѣ, прежде чѣмъ открытъ сраженіе. «Внѣ лагеря и въ весьма значительномъ отъ него разстояніи Константинъ ставилъ палатку въ честь креста и возносилъ тамъ молитву Богу. Это было обыкновеннымъ его занятіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ намѣревался вступить въ битву, потому что онъ любилъ все дѣлать по совѣту Божію» (II, 12). Эта палатка имѣла сходство съ храмомъ, т.-е. была походною церковію (IV, 56). Къ молитвѣ въ подобныхъ случаяхъ онъ присоединялъ и другіе подвиги благочестія—посты и иныя лишенія (II, 14). Иногда Константинъ обращался съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу предъ лицемъ войска, и войско понимало, что этимъ давался знакъ

ринуться на враговъ (II, 6). Императоръ устроилъ для войска особую крестную хоругвь. Носить ее позволялось не всякому, а для этого учрежденъ былъ штатъ хоругвеносцевъ. Константинъ изъ числа своихъ щитоносцевъ выбралъ пятьдесятъ человекъ, которые отличались крѣпостию силъ, а главное—благочестивымъ нравомъ и добрыми наклонностями. Имъ поручено было носить во время битвъ крестную хоругвь. Они носили ее попеременно, при чемъ прочіе окружали ее или слѣдовали за ней въ видѣ стражи. Императоръ замѣтилъ, что гдѣ показывалось крестное знамя, тамъ войска непріятеля терпѣли уронъ и пораженіе; поэтому онъ приказалъ переносить хоругвь туда, гдѣ видѣлъ какой-либо свой полкъ ослабѣвающимъ въ борьбѣ съ врагомъ (II, 7—8). Такимъ образомъ наиболѣе тяжелыя обстоятельства жизни Константина, каковыми были опасныя войны его, давали всегда поводъ этому императору выразить его искреннюю вѣру въ небесное Провидѣніе. Радости жизни давали ему также поводъ заявить свои благочестивыя чувствованія. Одержана ли побѣда надъ врагомъ, Константинъ возносить благодарственную молитву Виновнику побѣды (I, 39); пришелъ ли юбилейный праздникъ, отмѣчающій большой или меньшій періодъ его царствованія, онъ опять не забываетъ восхвалить небснаго Распорядителя судьбами царей и царствъ (I, 48).

Религіозность императора заставляеть его искать близкаго и всегдашняго общенія съ руководителями христіанскаго общества—священниками и епископами. Любя христіанство, онъ не могъ не любить и предстоятелей христіанской Церкви. Одно условливало другое. Лицъ священнаго сана Константинъ почиталъ своими «друзьями» (I, 56). Онъ называлъ ихъ: «мои сослужители» (II, 72), считалъ ихъ лицами самыми близкими къ нему и дорогими. Отношенія Константина къ лицамъ іерархическимъ представляютъ много интересныхъ особенностей и должны быть описаны съ должною подробностію. Императоръ глубоко былъ увѣренъ въ силѣ молитвы священнослужителей и потому про-

силъ ихъ, чтобъ они не оставляли его своими молитвами (IV, 14). Лучшею своею свитой, съ которою онъ почти никогда не разлучался, царь считалъ лицъ священнаго сана. Онъ окружилъ себя предстоятелями Церкви въ той надеждѣ, что за это одно Богъ христіанъ, Которому они служатъ молитвами и духовными жертвами, будетъ къ нему, царю, милостивъ (I, 32). Для многихъ въ то время представлялось страннымъ, почему Константинъ оказываетъ такое уваженіе и вниманіе лицамъ, казавшимся ничтожными въ особенности по своей простой и бѣдной одеждѣ; но императоръ разъяснялъ, что онъ смотритъ на лицъ духовныхъ не просто какъ на людей, а какъ на служителей великаго Бога (I, 42). «Священники, какъ добрые стражи души, по его словамъ, должны непрестанно бесѣдовать и быть съ нимъ» (II, 4). Константинъ держитъ при себѣ священныхъ лицъ во время всѣхъ военныхъ походовъ, не хочетъ разлучаться съ ними и тогда, когда онъ предпринимаетъ отдаленный походъ противъ Персовъ. Но вотъ,—онъ по видимому не совсѣмъ увѣренъ, послѣдуютъ ли за нимъ любезные ему епископы въ трудномъ и небезопасномъ походѣ противъ Персовъ. Происходитъ трогательное объясненіе между царемъ и окружающимъ его духовенствомъ, и результатъ выходилъ самый благопріятный для государя. Объ этомъ Евсевій рассказываетъ такъ: «рѣшившись идти войной на Персовъ и собравъ армію, царь объявилъ о своемъ намѣреніи окружающимъ его епископамъ и высказалъ желаніе, чтобы нѣкоторые изъ нихъ приняли на себя трудъ сопутствовать ему и отправлять для него богослуженіе. Епископы охотно пожелали исполнить его волю и говорили что они съ величайшимъ усердіемъ пойдутъ вслѣдъ за нимъ и не имѣютъ въ мысли отказываться отъ предложенія; напротивъ, говорили они, своими непрестанными молитвами Богу мы будемъ содѣйствовать царю и такимъ образомъ помогать ему въ военномъ дѣлѣ. Царь обрадовался такимъ словамъ и тотчасъ написалъ имъ подорожную» (т.-е. далъ имъ право пользоваться обществен-

ными подводами для передвиженія) (IV, 56). Вмѣстѣ съ епископами Константинъ возносилъ молитвы Богу какъ во время своихъ походовъ, такъ и въ мирное время. Онъ любилъ проводить съ ними время въ бесѣдахъ, посвященныхъ раскрытію различныхъ сторонъ христіанскаго боговѣдѣнія (I, 32). Особенно часто въ разговорахъ съ ними любилъ рассказывать о своей жизни и тѣхъ ея событіяхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ явный перстъ Божій, указующій пути Промысла. Разговаривая въ свободное отъ дѣлъ время съ епископами, онъ сообщалъ имъ о томъ, по какимъ признакамъ онъ узнавалъ: угодно ли такое-то или такое-то его дѣйствіе Богу, о томъ, какъ Богъ помогалъ ему въ трудныя минуты жизни, и о томъ, какъ враги его не имѣли возможности приводить въ исполненіе своихъ козней, будучи удерживаемы всемогуществомъ Божиимъ. «Память царя была какъбы ковчегомъ, изъ котораго, онъ вынималъ и показывалъ, что въ немъ было самага драгоцѣннаго»^{в)}. Очень много приводилось епископамъ слышать отъ царя рассказовъ о необыкновенной чудесной силѣ, какую обнаруживала во время сраженій крестная хоругвь. Вотъ одинъ изъ такихъ рассказовъ Константина. «Однажды во время сраженія, говорилъ онъ, въ войскѣ произошла шумъ и распространилось большое смятеніе. Въ это время одинъ изъ хоругвеносцевъ, до котораго дошла очередь нести крестное знамя, очень заробѣлъ, передалъ ношу другому и хотѣлъ уйти съ поля битвы. И что же? Лишь только трусливый человѣкъ началъ удаляться, какъ стрѣла врага пронзила его и онъ палъ мертвъ. А напротивъ тотъ хоругвеносецъ, который смѣнилъ робкаго и маловѣрнаго, оставался живъ и невредимъ, несмотря на то, что въ него пускали цѣлыя массы стрѣлъ. Замѣчательно, стрѣлы попадали не въ хоругвеносца, а въ самую хоругвь. Во всемъ этомъ, прибавлялъ Константинъ, было что-то выше всякаго чуда: какимъ образомъ стрѣлы вра-

в) Евсевія: Похвальное слово К—ну, гл. 18.

говъ попадали лишь въ маленькое копье, какое утверждено было на хоругви, вонзались въ него и пронзали его насквозь, и совсѣмъ не касались того, кто носилъ знамя, такъ что люди, носившіе это послѣднее, оставались неуязвимы» (II, 9). При другомъ случаѣ въ разговорѣ съ тѣми же христіанскими епископами, Константинъ разсказалъ о томъ, какъ враги боялись крестной хоругви. Когда Лициній, императоръ Востока, началъ воевать съ Константиномъ, разсказывалъ этотъ послѣдній, то языческій императоръ скоро замѣтилъ, что войско его потерпѣваетъ поражение, какъ только отдѣльныя части онаго встрѣчались съ хоругвию, а потому онъ уговаривалъ воиновъ не выходить навстрѣчу хоругви и не смотрѣть на нее, какъ на предметъ опасный и приносящій вредъ (II, 16).—Изъ числа прочихъ епископовъ особеннымъ довѣріемъ Константина пользовался церковный историкъ Евсевій Кесарійскій, котораго царь, по его словамъ, высоко цѣнилъ какъ за ученость, такъ и за примѣрную жизнь (III, 60). Евсевию не меньше другихъ приходилось слышать отъ царя рассказы о событіяхъ замѣчательныхъ въ исторіи дѣятельности перваго христіанскаго вѣнценосца (II, 9). Царь не чуждался бесѣдъ и съ епископами, не принадлежавшими къ православной Церкви. Царя, любившаго больше всего единодушіе и миръ между своими подданными, безъ сомнѣнія интересовалъ вопросъ: почему тѣ или другія общества, носящія имя христіанскихъ обществъ, однакожь на дѣлѣ отдѣляются отъ Церкви православной, прервали союзъ съ нею? Ближе другихъ къ Церкви православной по своему духу и ученію были Новаціане, отпавшіе отъ Церкви въ третѣемъ вѣкѣ, въ гоненіе Декія. Съ однимъ изъ представителей новаціанскаго общества, епископомъ Акесіемъ, однажды пришлось вступить въ бесѣду Константину. Государь началъ выспрашивать его: отчего Новаціане разорвали союзъ съ Церковію? И когда Акесій подробно разъяснивъ, въ чемъ именно Новаціане несогласны съ православными, между прочимъ сказалъ: мы не считаемъ нуж-

нымъ допускать отпущеніе грѣховъ чрезъ покаяніе, ибо послѣ крещенія не должно грѣшить, въ особенности не должно впадать въ грѣхи смертныя. Константинъ внимательно выслушалъ слова Акесія, подумалъ и съ тонкою ироніей сказалъ: «ну такъ поставь лѣстницу, Акесій, и взойди одинъ на небо»^{г)}. Иногда Константинъ дѣлился съ епископами своими наблюденіями касательно нравственнаго характера христіанскаго общества и высказывалъ свои мнѣнія: какъ поступать въ томъ случаѣ, если кто-либо изъ оглашенныхъ будетъ искать христіанства и стремиться къ соединенію съ Церковію изъ видовъ корыстныхъ, напри- мѣръ ради тѣхъ благотвореній, на какія щедро была Церковь, ради покровительства со стороны лицъ, власть имѣющихъ и т. д. Высказывая свои мнѣнія въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, царь безъ сомнѣнія не хотѣлъ предрѣшать окончательно вопросовъ. Онъ дѣлился мыслями съ своими друзьями, предоставляя священнослужителямъ дѣйствовать, какъ они сочтутъ за лучшее (III, 21). Случалось, Константинъ заходилъ на соборы епископовъ, въ качествѣ частнаго человѣка, интересуясь тѣмъ или другимъ вопросомъ, подлежащимъ церковному обсужденію; онъ являлся запросто, не имѣя ни свиты, ни тѣлохранителей; слѣдилъ за преніями членовъ собора, выражая иногда свое согласіе или несогласіе съ разсуждающими (I, 44). Дѣла епископовъ или пастырскія назначенія Константинъ, именовавшій себя «сослужителемъ» епископовъ, считалъ за дѣла и назначенія близкія своему сердцу.

Съ какимъ великимъ уваженіемъ и расположеніемъ Константинъ относился къ предстоятелямъ Церкви, это еще яснѣе открывается изъ нижеслѣдующихъ фактовъ.

Евсевій говоритъ, что царь въ отношеніи къ лицамъ іерархическимъ «выражалъ услужливость и отличное уваженіе, въ рѣчахъ съ ними показывалъ смиренномудріе» (I, 42). Такое расположеніе къ указаннымъ лицамъ, царь

г) Соврата. Церк. исторія, I, 10.

доказалъ многократно самымъ дѣломъ. Съ Константиномъ разъ былъ такой случай: «какіе-то сварливые люди взнесли обвиненіе на нѣкоторыхъ епископовъ, и свои доносы подали царю письменно. Царь принималъ это, и сложивъ все въ одну кучу запечаталъ своимъ перстнемъ и приказалъ хранить. Но потомъ, когда собрались къ нему епископы, онъ вынесъ запечатанные пакеты и сжегъ ихъ на глазахъ епископовъ, утверждая съ клятвой, что онъ не читалъ ничего тутъ написаннаго; не надобно, говорилъ онъ, проступки іереевъ дѣлать общеизвѣстными, чтобы народъ, получивъ отсюда поводъ къ соблазну, не сталъ грѣшить безъ страха». Къ этимъ словамъ Константинъ прибавилъ еще слѣдующее: «еслибы ему самому случилось быть очевидцемъ грѣха, совершаемаго епископомъ, то онъ покрылъ бы незаконное дѣло своею порфирой, чтобы взглядъ на это не повредилъ зрителямъ» д). Разумѣется, такъ поступать и такъ мыслить могъ только человѣкъ, проникнутый благоговѣніемъ предъ лицами священными, а такимъ и былъ этотъ императоръ. Если Константину приходилось встрѣчаться съ епископами, у которыхъ въ предшествующее гоненіе (Діоклитіаново) былъ исторгнутъ глазъ, то зная, что это служить знакомъ твердости въ вѣрѣ этихъ исповѣдниковъ, онъ цѣловалъ избожденный глазъ и почиталъ за счастье для себя поступать такъ е). О чемъ другомъ, какъ не о глубокомъ почтеніи къ сану священническому свидѣтельствуемъ слѣдующій рассказъ, дающій понимать, что царь предъ лицомъ епископа считалъ себя ничѣмъ не отличнымъ отъ прочихъ мірянъ какого бы то ни было, хотя бы самаго низшаго сословія? «Ободряемый любовію царя къ божественному, однажды я, говорю о себѣ Евсеѣй Кесарійскій, просилъ позволенія предложить въ его присутствіи слово о гробѣ Спасителя, и онъ внималъ моему слову со всею охотой. Въ кругу

д) Θεοδορίτα. Церк. исторія, I, 11.

е) Θεοδορίτα. Тамъ же.

многочисленнаго собранія во внутреннихъ покояхъ дворца онъ слушалъ его вмѣстѣ съ прочими стоя. Мы предложили было ему сѣсть на приготовленномъ для него царскомъ тронѣ, но онъ не согласился и съ напряженнымъ вниманіемъ разбирая, что было говорено, подтверждалъ истину догматовъ вѣры собственнымъ свидѣтельствомъ. Такъ какъ времени прошло уже много, а рѣчь еще длилась, то я хотѣлъ было прервать слово, но онъ не позволилъ и заставилъ продолжать до конца. Когда же просили его сѣсть, снова отказался, прибавивъ на этотъ разъ, что слушать ученіе о Богѣ съ небреженіемъ было бы неприлично и что стоять для него полезно и удобно» (IV, 33). И другими разнообразными способами царь заявлялъ свою почтительность къ епископамъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ способовъ этого рода было то, что Константинъ любилъ раздѣлять свою царскую трапезу съ епископами особенно по случаю какихъ-нибудь торжественныхъ событийъ въ его жизни. Одинъ случай трапезованія царя съ епископами Евсевій описалъ съ живымъ чувствомъ очевидца и участника. По случаю двадцатилѣтняго юбилея своего царствованія, Константинъ устроилъ торжественный пиръ. Главными гостями на пиршествѣ были епископы. Пиршество устроено было во дворцѣ; вокругъ дворца расположена была почетная военная стража. Часть епископовъ возлегла съ царемъ за однимъ столомъ, а прочіе размѣстились по обѣимъ сторонамъ палаты. «Случившееся походило на сонъ, а не на дѣйствительность», прибавляетъ восторженно историкъ (I, 42. III. 15). Не ограничиваясь сотрапезованіемъ съ епископами, царь одарялъ ихъ различными подарками, какъ бы на память о своемъ расположеніи къ нимъ; при чемъ подарки были не одинаковы, а соотвѣтствовали достоинствамъ одаряемыхъ (III, 16). Выраженіемъ благоволенія Константина къ епископамъ служить наконецъ и переписка его съ этими лицами. Константинъ охотно получалъ письма отъ епископовъ и съ удовольствіемъ писалъ самъ къ нимъ письма. Въ своихъ

письмахъ къ епископамъ, а такихъ писемъ очень много, царь не иначе называетъ ихъ, какъ возлюбленными братьями. Онъ въ потребныхъ случаяхъ писалъ письма ко всѣмъ главнымъ епископамъ провинціи, т.-е. митрополитамъ (II, 46). Но преимущественнымъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ отличалъ слѣдующихъ епископовъ: Евсевія кесарійскаго, котораго онъ признавалъ «достойнымъ епископства надъ всею Церковію» (слова самаго Константина III, 61); св. Аѳанасія епископа александрійскаго, котораго царь хвалилъ за «благоразуміе и постоянство» ж), Макарія епископа іерусалимскаго, котораго онъ называлъ своимъ «возлюбленнѣйшимъ братомъ» (III, 52). Всѣ эти письма христіанскаго императора сохранились до нашего времени. Нельзя не упомянуть и о томъ, что царь, наслышавшись о великихъ подвигахъ египетскаго отшельника св. Антонія, писалъ и къ нему письмо отъ лица своего и своихъ дѣтей; здѣсь Константинъ величалъ Антонія своимъ «другомъ» и признавалъ его «отцемъ» своимъ. Въ отвѣтъ на почтительное письмо царя Антоній просилъ послѣдняго объ одномъ (Константинъ выражалъ желаніе удовлетворить всѣмъ нуждамъ Антонія),—чтобъ царь былъ человеколюбивъ, заботился о правдѣ и неимущихъ з).

Отличаясь глубокимъ религіознымъ чувствомъ и имѣя такихъ друзей, какъ епископы, Константинъ, конечно, долженъ былъ устроить свою обыденную жизнь сообразно съ требованіями благочестія и святости. Такъ дѣйствительно и было. Дворецъ константинопольскій, въ которомъ проводилъ жизнь царь, сталъ явнымъ отображеніемъ христіанскихъ расположеній Константина. Все въ этомъ царскомъ жилищѣ носитъ печать новыхъ религіозныхъ началъ. «Въ царскихъ чертогахъ Константинъ устроилъ

ж) Аѳанасія. Защитительное слово противъ аріанъ. Творенія его, I, 278—280.

з) Созомена. Церковная история, I, 13. Аѳанасія: Жизнь Антонія. Творенія его, III, 273.

родъ церкви Божіей. Личное его усердіе къ благочестивымъ упражненіямъ сдѣлалось примѣромъ для другихъ». Онъ совершалъ часто молитвословія, приглашая къ участию въ нихъ и весь свой дворъ (IV, 17). Изъ числа прочихъ дней недѣли съ преимущественнымъ благоговѣніемъ онъ проводилъ день воскресный и пятницу. Въ пятницу, подобно тому, какъ и въ воскресенье, онъ оставлялъ обычныя свои занятія и посвящалъ этотъ день на служеніе Богу (IV, 18). Вообще дворецъ Константина сталъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ были дворцы прежнихъ государей римскихъ. Здѣсь не стало слышно празднои «болтовни», и не видно шумныхъ и суетныхъ увеселеній; тамъ слышатся теперь «гимны славословія Богу»; тонъ придворной жизни сообщаютъ священники^{и)}. Даже придворная прислуга, лейбгвардія отличаются правилами христіанскаго благочинія и проникнуты благочестивымъ настроеніемъ. Разумѣется, хозяинъ чертоговъ самъ озаботился о томъ, чтобы слуги царскіе и тѣлохранители были взяты изъ числа лицъ, достойныхъ быть вблизи благочестиваго вѣнценосца. Это были люди лучшихъ нравственныхъ качествъ. «Служителями его (Константина) и споспѣшниками, равно какъ и стражами всего его дома, были мужи посвященные Богу, люди украшенные чистотой жизни и добродѣтелию; самыя копъеносцы, вѣрные тѣлохранители руководились примѣромъ благочестія царя»^{і)}. Христіанинъ хозяинъ дворца наложилъ христіанскую печать на всѣхъ служащихъ при дворцѣ по хозяйственной части. Украшенія дворца—и тѣ стали вѣстниками, что въ немъ живетъ христіанскій государь. Одна изъ лучшихъ палатъ дворца украсилась драгоценною мозаикой въ христіанскомъ вкусѣ. «Любовь къ божественному столь сильно обладала душой царя, что въ превосходнѣйшей изъ всѣхъ хранимъ царскихъ чертоговъ въ вызолоченномъ углубленіи потолка, въ самой срединѣ

и) Евсевія. Похвальное слово Константину, гл. 10.

і) Евсевія. Жизнь Константина, IV, 18. Егоже: Похвальное слово Константину, гл. 9.

его онъ приказалъ сдѣлать великолѣпное изображеніе знамени спасительныхъ страданій Христа; изображеніе было составлено изъ различныхъ драгоценныхъ камней, богато оправленныхъ въ золото» (III, 49). Каждый ступившій на ступени крыльца, ведшаго во дворецъ, сейчасъ же долженъ былъ замѣтить, что онъ входитъ въ жилище царя христіанина. Надъ дверями царскихъ палатъ утверждена была картина, сдѣланная изъ воску и расписанная цвѣтными красками. Картина изображала слѣдующее: ликъ императора Константина, надъ головой его крестъ, а подъ ногами его драконъ, низвергающійся въ бездну. Смыслъ картины такой: «фигура дракона указывала на тайнаго врага рода человѣческаго, котораго Константинъ въ лицѣ гонителей христіанства, — языческихъ императоровъ, низвергнулъ въ бездну гибели силою спасительнаго знамени, помѣщеннаго надъ головой изображенія императора». Картина съ умысломъ поставлена была на внѣшней сторонѣ дворца, — «на показъ всѣмъ», чтобы всѣ знали, что владыка вселенной — почитатель христіанскаго Бога (III, 3).

Множество государственныхъ занятій у императора вселенной не отнимали однакоже у него времени, нужнаго для обсужденія дѣлъ, на совершеніе которыхъ указывало его христіанское сердце. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія заботы царя о благосостояніи и украшеніи христіанскихъ храмовъ. Въ одни изъ христіанскихъ храмовъ онъ приказывалъ посылать богатые денежные вклады (I, 42). Весьма значительную сумму денегъ онъ распорядился послать на нужды церкви африканскихъ^{к)}. Думы благочестиваго царя иногда обращались на такіе предметы, о которыхъ до него никто не заботился. Такъ его заботами о славѣ христіанскаго имени открыто въ Иерусалимѣ мѣсто погребенія Спасителя. Обдуманность, съ какою онъ исполнилъ это дѣло, невольно поражаетъ изслѣдователя религіозной дѣятельности Константина. Царь не

к) Евсевія. Церк. Исторія, X, 6.

просто приказалъ разрушить языческой храмъ, построенный на мѣстѣ гроба Господня и копать землю пока не будетъ обрѣтена священная пещера, но онъ даетъ распоряженіе, чтобъ матеріалы разрушаемаго языческаго храма были относимы какъ можно дальше отъ мѣста погребенія Христа. Царь, очевидно, хочетъ, чтобы ничто оскверненное идолослуженіемъ не прикасалось священнѣйшаго въ глазахъ христіанъ мѣста (III, 26—27). А рѣшившись на этомъ мѣстѣ выстроить великолѣпный храмъ, онъ слѣдитъ изъ своего далека за исполненіемъ дѣла съ такою внимательностію, съ какою можетъ слѣдить лишь преданный своему искусству архитекторъ. Объ этомъ лучше всего могутъ дать понятіе слѣдующія строки изъ письма Константина къ епископу іерусалимскому Макарію: < что касается до возведенія и изящной отдѣлки стѣнъ (храма), то знай, что я заботу объ этомъ возложилъ на правителей Палестины. Я озаботился, чтобы ихъ попеченіемъ немедленно доставляемы были тебѣ и художники и ремесленники и все необходимое для постройки. Что же касается до колоннъ и мраморовъ, то какіе признаешь ты драгоценнѣйшими и полезнѣйшими, — разсмотри обстоятельно, и ни мало не медля пиши мнѣ, чтобы изъ твоего письма я видѣлъ, сколько какихъ требуется матеріаловъ, и отовсюду доставилъ ихъ. Сверхъ того хочу знать, какой правится тебѣ сводъ храма— мозаическій или отдѣланный иначе. Если мозаическій, то прочее въ немъ можно будетъ украсить золотомъ. Твое преподобіе пусть въ самомъ скоромъ времени извѣститъ упомянутыхъ правителей, сколько потребуется ремесленниковъ, художниковъ и издержекъ. Постарайся также немедленно донести мнѣ не только о мраморахъ и колоннахъ, но и о мозаикѣ, какую признаешь лучшею > (III, 31. 32). Константинъ самъ придумалъ, что храмъ хорошо будетъ украсить между прочимъ двѣнадцатью колоннами, на верху которыхъ находились бы вылитыя изъ серебра вазы; такихъ колоннъ поставлено было 12 по числу апостоловъ (III, 38). Каждый слухъ, какой доходилъ

до ушей царя, и какой въ томъ или другомъ отношеніи касался памятниковъ вѣры,—сильно занималъ царя и вызывалъ его на соотвѣтствующія дѣлу распоряженія. Такъ до него дошелъ слухъ, что подъ дубомъ Мамврійскимъ въ Палестинѣ совершаются языческія жертвы. Извѣстіе это заставляеть тотчасъ же отдать приказъ, чтобы впередъ ничего такого совершаемо не было на мѣстѣ, гдѣ жилъ Авраамъ. Отдавая указанное распоряженіе, царь сообщаетъ о немъ Евсевію кесарійскому и замѣчаетъ: «а если кто будетъ попрежнему осквернять то мѣсто языческими жертвами, объ этомъ прошу немедленно извѣщать меня письмами, чтобъ обличеннаго, какъ преступника закона, подвергнуть строжайшему наказанію». Царь не находить для себя обременительнымъ заниматься письмами, касающимися хотя не важнаго, но имѣющими такое или другое отношеніе къ предмету его религіозныхъ попеченій. Мѣсто дуба Мамврійскаго Константиномъ украшено храмомъ (III, 52. 53). Можно сказать, что Константинъ не пропустилъ ни одного случая, чтобы выразить свою заботливость о славѣ христіанской вѣры. На что другой бы не обратилъ никакого вниманія, вслѣдствіе кажущейся неважности дѣла, и на это простиралась религіозная попечительность государя. Такъ ему пришло на мысль, что слѣдуетъ экземпляры Библии, принадлежащія храмамъ, облечь въ великолѣпныя переплеты,—и онъ распоряжается о приведеніи въ исполненіе своей мысли (III, 1). Язычники, зная о такой, повидимому, мелочной заботливости императора о дѣлахъ христіанской религіи, порицали его и смѣялись; они находили, что онъ принимаетъ на себя такія занятія, которыя не принадлежать къ кругу дѣятельности государя, въ особенности великаго государя ^{а)}. Такъ изумительна представлялась людямъ IV вѣка религіозная ревность Константина!

Кромѣ заботъ о ви́шнемъ возвеличеніи христіанской

а) Евсевія. Похвальное слово К.—ну, гл. 11.

религія, Константинъ изыскивалъ пути къ утвержденію христіанства въ сердцахъ людей, насколько это было возможно въ его положеніи. Онъ не отказывался прямо учить людей христіанскому боговѣдѣнію. Это составляетъ очень замѣчательную черту въ частной жизни Константина. Но для того, чтобы учить другихъ истинамъ христіанской религіи, нужно самому быть хорошо образованнымъ вообще и знать христіанское богословіе въ частности. И мы дѣйствительно видимъ, что Константинъ прилагалъ не мало труда о своемъ просвѣщеніи для того, чтобы принять на себя отвѣтственную обязанность наставника и руководителя другихъ въ области христіанскаго ученія. Евсевій хвалитъ въ Константинѣ, помимо другихъ качествъ, и его ученость (I, 19), и не безъ основанія. Первый христіанскій императоръ принадлежалъ къ лицамъ просвѣщеннымъ. Его знанія были средствомъ къ достиженію высшихъ религіозныхъ цѣлей. Онъ зналъ философію, ознакомился съ греческими философами Платономъ, Сократомъ, Пифагоромъ ^{м)}, но свое знаніе философіи старался подчинить религіозному вѣдѣнію. Онъ напримѣръ хорошо понималъ, что Платонъ есть «наилучшій изъ всѣхъ философовъ»; однако Константинъ не обольщался этою философіей, потому что ему извѣстны были слабыя стороны философской системы Платона,—въ особенности по сравненію съ христіанскимъ откровеніемъ ^{н)}. Онъ не чуждъ былъ знанія классической поэзіи, но не раздѣлялъ восторговъ язычниковъ, слишкомъ высоко ставившихъ своихъ поэтовъ. По воззрѣнію Константина поэты не могутъ считаться учителями религіозной истины, какими ихъ считали язычники, потому что въ ихъ твореніяхъ такъ много очевидной лжи, не свойственной тому, кто возвѣщаетъ дѣйствительную истину о природѣ божественной ^{о)}. Изъ поэ-

м) Constantini. Oratio ad sanctorum coetum (Константина. Рѣчь къ обществу вѣрныхъ), сар. 9.

н) Тамъ же.

о) Тамъ же, гл. 10.

товъ Константинъ отдавалъ полное предпочтеніе лишь одному Виргилію, ибо у этого римскаго поэта Константинъ подобно нѣкоторымъ христіанскимъ ученымъ древности, находилъ предсказанія относительно христіанскихъ событій, напримѣръ о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы, о наступленіи блаженныхъ временъ для бѣдствующаго рода человѣческаго. Виргилія онъ называлъ «мудрѣйшимъ изъ поэтовъ» и пользовался его твореніями для доказательства христіанскаго ученія о приготовленіи всего рода человѣческаго къ принятію Искупителя ^{п)}. Константинъ изучалъ книгу Сивиллъ, имѣвшую значеніе священной книги для язычества. Этою книгой вѣнценосный ученый интересовался не потому, что произведеніе это имѣло такую важность въ языческомъ мірѣ, но потому, что древне-христіанскіе учителя находили въ ней прикровенныя указанія на времена и явленія христіанскія. Константинъ занимался книгою Сивиллъ въ интересахъ христіанства ^{р)}. Но больше всего и усѣрднѣе всего царь занимался изученіемъ свящ. писанія и различныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ христіанскому богословію. Объ этомъ отчасти можно составить себѣ понятіе по тѣмъ вопросамъ, какіе занимали его богословствующій умъ и на какіе онъ давалъ сильное рѣшеніе. Напримѣръ ему представлялись вопросы: возможно ли было Богу сдѣлать человѣческую волю лучшею и болѣе кроткою,—какъ находили нѣкоторые злословы его времени? Откуда произошло названіе Сына Божія? Что это за рожденіе, когда Богъ только одинъ и чуждъ всякаго смѣшенія? Или: сколько основательности въ мнѣніи, высказываемомъ нѣкоторыми нечестивцами, что Христосъ нашъ былъ осужденъ справедливо и что виновникъ жизни самъ на законномъ основаніи лишенъ былъ жизни? ^{с)}. Конечно нужно имѣть очень пытливый богословскій умъ, чтобы обращать вниманіе на такіе богословскіе во-

п) Тамъ же, гл. 19—20.

р) Тамъ же, гл. 18.

с) Тамъ же, гл. 11—12.

просы, какъ сейчасъ указаные. При изученіи свящ. писанія Константина въ особенности занимали вопросы о ветхозавѣтныхъ пророчествахъ и ихъ исполненіи. Значить онъ былъ толкователемъ св. писанія. Его толкованіе пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что при толкованіи пророчествъ ветхозавѣтныхъ онъ пользуется, какъ средствомъ уясненія пророчествъ, личными наблюденіями надъ исполненіемъ ихъ, личнымъ опытомъ. Такъ читая пророчество Іереміи, что Мемфисъ и Вавилонъ опустѣютъ и съ отечественными своими богами останутся необитаемыми (Іер. 46, 19), царь находилъ, что это предреченіе пророка исполнилось во всей точности. «И это, говорю я не по слуху, замѣчаетъ вѣнценосный экзегетъ, но утверждаю, какъ самовидецъ: я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ жалкой участи тѣхъ городовъ» т). Константинъ не оставлялъ безъ вниманія и современную ему христіанскую литературу. Онъ читалъ произведенія этой литературы, насколько представлялся къ тому случай. Несомнѣнно, съ нѣкоторыми изъ современныхъ ему епископовъ Константинъ вошелъ въ очень близкія отношенія главнымъ образомъ потому, что цѣнилъ ихъ христіанскую ученость. По этому именно побужденію онъ былъ очень друженъ напримѣръ съ Евсевіемъ кесарійскимъ (III, 60). Отъ Евсевія онъ получалъ богословскія сочиненія, написанныя этимъ епископомъ, читалъ ихъ съ живымъ удовольствіемъ и поощрялъ автора къ дальнѣйшимъ трудамъ на этомъ поприщѣ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо царя къ Евсевію. Получивъ отъ этого послѣдняго сочиненіе о Пасхѣ и прочитавъ его, царь пишетъ Евсевію: «изъяснить важный, но затруднительный вопросъ о празднованіи и происхожденіи Пасхи, есть дѣло весьма великое; ибо выразить истины божественныя бывають не въ состояніи и тѣ, которые могутъ понимать ихъ. Весьма удивляясь твоей любознательности

т) Тамъ же гл. 16.

и ревности къ ученымъ трудамъ, я и самъ съ удовольствіемъ прочиталъ твой свитокъ и многимъ, искренно преданнымъ божественной волѣ, приказалъ сообщить его. Поэтому, видя, съ какимъ удовольствіемъ принимаемъ мы дары твоего благоразумія, постарайся какъ можно чаще радовать насъ подобными сочиненіями, къ которымъ ты приученъ самымъ воспитаніемъ; такъ что, когда мы возбуждаемъ тебя къ этимъ привычнымъ занятіямъ, то мы только поддерживаемъ твои собственные стремленія. Столь высокое мнѣніе всѣхъ о твоихъ сочиненіяхъ показываетъ, что тебѣ не бесполезно было бы имѣть человѣка, который твои труды переводилъ бы на латинскій языкъ, хотя такой переводъ большею частію не можетъ выразить красота подлинника» (IV, 34—35).

Обладая значительными богословскими познаніями и начитанностію въ богословской литературѣ, Константинъ хотѣлъ дѣлиться своими религіозными свѣдѣніями съ публикой. Въ его константинопольскомъ дворцѣ, по его приглашенію, собиралась нерѣдко многочисленная толпа для того, чтобы слушать царя, излагавшаго «боголѣпное», т.-е. христіанское ученіе для общаго назиданія и просвѣщенія. Какое зрѣлище! Въ срединѣ многочисленнаго собранія въ великолѣпномъ дворцѣ возсѣдаетъ царь, владыка всемірной имперіи, держитъ обширную рѣчь, посвященную раскрытію истинъ христіанской религіи; всѣ съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ проповѣдника въ коронѣ и порфирѣ. Вотъ онъ коснулся въ своей рѣчи одного изъ величайшихъ догматовъ христіанства; чувство благоговѣнія наполняетъ сердце оратора, онъ считаетъ неприличнымъ о такомъ священномъ предметѣ вести рѣчь въ сидячемъ положеніи; онъ встаетъ... лицо его поникло... слова выговариваются медленно... голосъ понижается. Онъ понималъ, что теперь онъ ведетъ не просто бесѣду о религіозныхъ вопросахъ, но посвящаетъ предстоящихъ въ самыя тайны божественнаго ученія... Кто же были слушателями богословскихъ лекцій Константина? Простой на-

родъ византійскій: каждый изъ простолюдиновъ, желавшій «разумѣть вѣру», могъ идти слушать богословствующаго царя; затѣмъ слушателями вѣнчаннаго оратора были всѣ придворные, слуги его; затѣмъ философы и ученые, и даже не одни христіанскіе, но языческіе; наконецъ христіанскіе священники и епископы... Богословскія публичныя лекціи царя нерѣдко вызывали въ слушателяхъ чувства восторга и восхищенія, производили могучее впечатлѣніе. И дворцовая аудиторія оглашалась одобрительными криками по адресу оратора... Царь прерывалъ на минуту свою рѣчь для того, чтобы умѣрить шумный восторгъ слушателей и внушить, что «похвалами чествовать надлежитъ одного Царя всяческихъ» Богу у). Для нашего времени можетъ представляться изумительнымъ и страннымъ зрѣлище: царь во дворцѣ произноситъ религіозно-нравственную рѣчь,— его слушаютъ простой народъ, христіанскіе и языческіе философы, епископы. Правда. Но въ быту византійскихъ христіанскихъ императоровъ встрѣчалось много такого, что на нашъ современный взглядъ показалось бы страннымъ, непонятнымъ и неумѣстнымъ. Что сказали бы мы, еслибы православный государь облекся въ саккосъ и омофоръ, еслибы въ рукахъ его мы увидали во время литургіи дикирию, еслибы при вступленіи въ общественное собраніе онъ сталъ благословлять народъ архіерейскимъ благословеніемъ, еслибы пѣвчіе стали возглашать ему: ис-полла ф)? Все это показалось бы намъ выходящимъ изъ ряда вонъ, необыкновеннымъ, аномаліей. И однако все это было въ Византіи, и никто этому не изумлялся. Поэтому насъ нисколько не должно поражать стремленіе Константина Великаго наставлять народъ въ тонѣ и духѣ церковнаго учителя. Другія времена, другіе нравы.

Сообщимъ нѣкоторыя подробности о религіозномъ учительствѣ перваго христіанскаго императора. Константинъ

у) IV, 29. Константина. Рѣчь къ обществу вѣрныхъ, гл. 2.

ф) А. Лебедева. Очерки византійско-восточной Церкви, стр. 75=78. М. 1878.

произнося свои поученія, смиренно сознавалъ, что дѣло христіанскаго учительства есть дѣло не легкое, и просилъ въ его бесѣдахъ цѣнить выше всего то благое расположеніе, съ какимъ онъ берется за этотъ трудъ. «Внимайте благосклонно вы, искренніе читатели Бога, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—внимайте не столько слову, сколько истинѣ словъ, и взирайте не на меня, лице говорящее, а на благочестивое мое расположеніе; ибо какая будетъ польза въ словахъ, если вы не будете увѣрены въ сердечныхъ расположеніяхъ говорящаго къ вамъ? Можетъ быть я рѣшаюсь на дѣло трудное, но причиной такой рѣшимости служить вкорененная во мнѣ любовь къ Богу,—она да укрѣпитъ робкаго. При этомъ, я испрашиваю себѣ помощи у васъ, особенно у свѣдущихъ въ божественныхъ таинствахъ, чтобы слѣдя за мной, вы исправляли всякую погрѣшность, если какая случится въ словахъ моихъ. Высшее внушеніе отъ Отца и Сына да поможетъ мнѣ нынѣ высказать то, что положили Они мнѣ на языкъ и сердце» х). Учитель прежде чѣмъ начать изложеніе христіанскихъ истинъ, обращался съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Подателю всѣхъ благъ, — Христу. «Ты, Христе, Спасителю всѣхъ, зывалъ Константинъ,—споспѣшествуй моей ревности по благочестію, Самъ приди и указуя мнѣ образъ благоговѣйнаго вѣщанія, укрась мое разсужденіе о Твоей силѣ» л). Можно составить себѣ опредѣленное понятіе и о томъ, о чемъ говорилъ царь съ своими слушателями. Темами его поученій было: обличеніе заблужденій многобожія, при чемъ наставникъ доказывалъ, что суевѣріе язычниковъ есть обманъ и прикрытіе безбожія; ученіе о міроправящемъ Божествѣ или о всеобщемъ и частномъ Промыслѣ; ученіе о домостроительствѣ нашего спасенія, при чемъ раскрывалось, что домостроительство должно было совершиться такъ, какъ оно и со-

х) Константина. Рѣчь къ общ. вѣрныхъ, гл. 2.

л) Тамъ же гл. 10.

вершилось; истина правосудія Божія. Иногда его рѣчь переходила на практическую почву. Онъ говорилъ противъ корыстолюбивыхъ правителей, хищниковъ и любостязателей. Царь при этомъ имѣлъ въ виду обличить и наставить на путь правый того или другаго изъ его подчиненныхъ, замѣченнаго въ алчномъ корыстолюбіи и присутствовавшаго на царскихъ собесадованіяхъ. Императоръ раскрывалъ мысль, что вручая управление извѣстною областію тому или другому лицу, онъ вручаетъ ее не по своей, а по Божіей волѣ, а потому хищникъ нѣкогда долженъ будетъ отдать отчетъ въ своихъ дѣлахъ Великому Царю. Обличенія императора попадали въ цѣль,—виновные смущались и потупляли глаза. Обличительныя поученія царь говорилъ не рѣдко. Но по замѣчанію историка, къ сожалѣнію вразумленія царскія не всегда производили должное дѣйствіе: обличаемые, казалось, раскаивались, но на самомъ дѣлѣ продолжали грабить лицъ ввѣренныхъ ихъ управленію (IV, 29). Разъ августѣйшій проповѣдникъ въ обычномъ собраніи слушателей во дворцѣ произнесъ рѣчь въ память какого-то усопшаго (*funebrem orationem*); въ ней онъ подробно раскрылъ ученіе о безсмертіи души, разсуждалъ о людяхъ, проведшихъ жизнь свою благочестиво, и о благахъ, какія Богъ уготовалъ избраннымъ своимъ; въ заключеніе распространился о томъ, какая участь ожидаетъ нечестивыхъ и въ особенности не принимающихъ христіанства, язычниковъ, поклоняющихся многимъ богамъ. Рѣчь государя произвела замѣтно сильное впечатлѣніе на слушателей. Пользуясь этимъ впечатлѣніемъ, царственный наставникъ спросилъ одного языческаго философа, бывшаго въ числѣ слушателей: какъ онъ думаетъ о слышанномъ? Спрошенный не могъ не похвалить сказаннаго царемъ противъ многобожія, хотя онъ и понималъ, что хваля царя, онъ тѣмъ самымъ порицаетъ себя (IV, 55).

Ревнуя о христіанско-религіозномъ воспитаніи народа, царь въ свободное отъ дѣлъ правительственныхъ время составилъ молитву, которую потомъ приказалъ читать сол-

датамъ въ день воскресный (IV, 20). Трогательна также забота царя о богослужебныхъ нуждахъ жителей Константинополя, трогательна по той крайней обдуманности и внимательности, съ какою царь хочетъ удовлетворить насущной потребности. Оказалось, что въ Константинополѣ, съ умноженіемъ христіанъ умножились и церкви, но не всѣ церкви имѣли упогребляющіяся при богослуженіи книги свящ. писанія. Какъ скоро царь узналъ объ этомъ, сейчасъ же написалъ къ Евсевию кесарійскому слѣдующее письмо, въ которомъ царь, кажется, не забылъ ни о чемъ относящемся къ дѣлу. «Прими со всею готовностію наше рѣшеніе, писалъ Константинъ. Мы заблагоразсудили, чтобы ты приказалъ опытнымъ, отлично знающимъ свое искусство, писцамъ написать на обдѣланномъ пергаментѣ пятьдесятъ экземпляровъ книгъ, которыя было бы удобно читать и легко переносить съ мѣста на мѣсто. Въ этихъ книгахъ должно содержаться божественное писаніе, какое, по твоимъ представленіямъ, особенно нужно имѣть и употреблять въ храмахъ. Ради этой цѣли нами послана грамота къ правителю округа, чтобы онъ озаботился доставкой всего нужнаго для ихъ приготовленія. Наискорѣйшая переписка ихъ будетъ зависѣть отъ твоихъ хлопотъ. Для перевозки переписанныхъ книгъ, это письмо наше дастъ тебѣ право взять двѣ общественныя подводы, на которыхъ прекрасно изготовленные свитки легко будетъ тебѣ доставить ко мнѣ. Такое дѣло исполнить одинъ изъ діаконовъ твоей церкви, и по прибытіи его къ намъ мы наградимъ его какъ слѣдуетъ». Отсюда съ полною очевидностію видно, какъ близки были душѣ царя религіозныя нужды жителей столицы, согражданъ Константина. Разумѣется, Евсевій немедленно исполнилъ царскую волю,—онъ приказалъ приготовить роскошныя свитки свящ. писанія и послалъ ихъ по назначенію (IV, 34. 36—37).

Вкореняя истины христіанскаго исповѣданія и духъ благочестія въ лицахъ окружающихъ его и въ народѣ царствующаго города. Константинъ усердно старался утвер-

ждать духъ христіанскаго благочестія,—что напередъ можно предполагать,—въ своемъ семействѣ, въ сердцахъ дѣтей своихъ. Объ этомъ сохранилось немного извѣстій, но зато они съ полною ясностію свидѣтельствуютъ о ревности царя сдѣлать его дѣтей подражателями благочестію отца. Лишь только дѣти Константина достигли того возраста, когда начинается обученіе, онъ «приставилъ къ нимъ учителей, мужей извѣстнѣйшихъ своею набожностію» (IV, 51). Въ основу воспитанія принцевъ положены начала христіанскія. Особенно извѣстенъ былъ глубокимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ учитель старшаго сына Константина Криспа—Лактанцій, этотъ замѣчательный христіанскій писатель и апологетъ, имя котораго занимаетъ почетное мѣсто въ спискѣ ученыхъ мужей древне-латинской Церкви ч). Но самымъ лучшимъ руководителемъ дѣтей Константина на поприщѣ благочестія конечно былъ самъ Константинъ. По свидѣтельству Евсевія, царь «посредствомъ личныхъ наставленій питалъ своихъ дѣтей божественнымъ ученіемъ», внушалъ имъ подражать его собственному благочестію (IV, 52). Весьма вѣроятно, что дѣти Константина были всегдашними слушателями его религіозныхъ собесѣдованій, о которыхъ мы говорили выше. Главными правилами, которыя старался царственный отецъ внушить своимъ дѣтямъ, были такія: познаніе Царя всѣхъ—Бога и благочестіе нужно предпочитать и богатству и самому царству; надлежитъ имѣть попеченіе о Божіей церкви; нужно открыто и необязненно исповѣдовать себя христіанами. Внушая имъ такія и подобныя правила въ личныхъ бесѣдахъ, Константинъ бралъ на себя трудъ наставлять дѣтей своихъ и посредствомъ писемъ, если они предпринимали путешествія. Отчасти подъ вліяніемъ отеческихъ уроковъ, а частью и по собственному побужденію дѣти царя «въ самыхъ царскихъ чертогахъ, вмѣстѣ со всѣми домашними исполняли церковныя уставы», т.-е. предавались благоче-

ч) Hieronimi De viris illustribus, cap. 80.

стивымъ упражненіямъ. По распоряженію царя, окружали ихъ люди преданные христіанской религіи, какъбы крѣпкія стѣны (IV, 52).

Кромѣ религіозности были другія привлекательныя черты въ его жизни. Евсевій восхваляетъ Константина за незлобіе сердца, скромность, правдивость и кротость. Въ доказательство его незлобія Евсевій указываетъ на слѣдующее: «нѣкоторые негодовали на Константина, хотя онъ и не подавалъ къ тому повода: и онъ сносилъ это незлобиво. Въ спокойныхъ и мягкихъ выраженіяхъ онъ совѣтовалъ такимъ лицамъ одуматься и не волноваться. Одни изъ такихъ лицъ, по разсказу историка, вразумляемыя его убѣжденіями, перемѣнялись; но другія попрежнему оставались въ злобѣ и не хотѣли слушать внушеній. Таковыхъ царь не тревожилъ, предоставлялъ ихъ суду Божію, такъ какъ не желалъ никого и ничѣмъ оскорблять» (I, 45). Съ особенною выразительностію тотъже Евсевій отмѣчаетъ необыкновенную скромность государя. Императоръ отнюдь не надмевался своею царскою властію, ибо онъ понималъ, что нѣтъ основаній гордиться и тщеславиться тѣмъ, что дано лишь на время и притомъ короткое. Онъ сравнивалъ себя съ пастухомъ: какъ пастухъ не можетъ гордиться своею властію надъ животными, такъ и царь, управляя людьми долженъ быть чуждъ превозношенія, тѣмъ болѣе, что управлять людьми гораздо труднѣе и безпокойнѣе, чѣмъ стадомъ животныхъ. Многочисленныя войска, блестящая лейбъ-гвардія, раболѣпствующія толпы народа тоже не давали царю забыть, возмечтать о себѣ, какъ о существѣ не равномъ съ прочими людьми: царь помнилъ, что несмотря на все это, онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе. По чувству скромности, онъ не любилъ тѣхъ шумныхъ восторговъ, къ какимъ прибѣгала толпа при видѣ своего властелина. Въ Римской имперіи народъ въ знакъ привѣтствія, при появленіи царя, имѣлъ обыкновеніе выкрикивать какія-либо лестныя для него выраженія. Но Константину эти шумныя восторги не доставляли удоволь-

ствія: «они наводили на него скорѣе скуку, чѣмъ доставляли удовольствіе» ^{л)}. Правдивость и искренность, по свидѣтельству Евсевія, были отличительною чертой Константина: «царь, что возвѣщалъ, то и дѣлалъ» (I, 6); его слово не расходилось съ дѣломъ. А указывая на кроткій нравъ Константина, Евсевій признаетъ его самымъ кроткимъ человѣкомъ и не сомнѣвается, что подобнаго ему трудно найти (I, 46).

Изъ другихъ нравственныхъ личныхъ качествъ Константина слѣдуетъ упомянуть о его необыкновенномъ трудолюбіи, простотѣ и воздержности въ жизни. Его трудолюбіе было явленіемъ поразительнымъ. Константинъ никогда не былъ празденъ, отъ одного дѣла онъ переходилъ къ другому. Даже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ неутомимо дѣятеленъ; онъ «или писалъ рѣчи», или дѣлалъ предначертанія рѣчей, и своимъ слушателямъ преподавалъ христіанское ученіе, или составлялъ законы то военные, то гражданскіе и придумывалъ всѣ способы къ общей пользѣ людей» (IV, 55). Онъ писалъ такое множество писемъ къ епископамъ, начальникамъ областей и другимъ лицамъ, что Евсевій не могъ не удивляться самоотверженію царя (III, 24). Константинъ не считалъ для себя бременемъ писать собственноручные обширные законодательные акты (IV, 47). Самые разнообразныя вопросы занимали его умъ и на каждый изъ нихъ онъ даетъ соотвѣтствующее рѣшеніе. Онъ хочетъ, чтобы мысль его была понята во всей точности, и не отказывается войти въ подробныя объясненія хотя бы съ ремесленникомъ (I, 30). Вышній блескъ не прельщалъ Константина,—онъ не могъ безъ улыбки видѣть того наивнаго изумленія, съ какимъ народъ смотрѣлъ на его парадныя царскія украшенія изъ золота и драгоценностей. Онъ зналъ истинную цѣну всѣхъ подобныхъ украшеній: онъ понималъ и давалъ знать другимъ, что и золото, и серебро, и драгоценныя камни, все же камни и вещи, безъ которыхъ такъ легко обойтись. Въ домашней

л) Похвальное слово Константину, гл. 5.

жизни онъ избѣгалъ всѣхъ подобныхъ украшеній. Столъ его не отличался изысканностію и роскошью. Изысканныя блюда онъ предоставлялъ другимъ, чревоугодникамъ, а не себѣ; онъ находилъ, что лакомыя блюда кромѣ вреда для здоровья ничего не приносятъ. Еще менѣе расположенъ былъ онъ употреблять «опьяняющіе и хмѣльные напитки»; онъ хорошо зналъ, что крѣпкіе напитки помрачаютъ рассудокъ и путаютъ мысли ш).

Стоя на высокомъ уровнѣ нравственнаго развитія, Константинъ хотѣлъ поднять до тогоже уровня и лицъ, съ которыми ему приходилось вступать въ соприкосновеніе. Одинъ вельможа заявилъ себя лихоимствомъ, тяжело падавшимъ на народъ, которымъ управлялъ этотъ сановникъ. Константинъ захотѣлъ обличить его и усовѣстить и сдѣлалъ это слѣдующимъ остроумнымъ способомъ: царь взялъ его за руку и сказалъ: до какихъ еще предѣловъ будемъ простирать свою алчность? Потомъ копьемъ, которое случайно держалъ въ рукѣ, очертивъ на землѣ пространство въ ростъ человѣческаго тѣла, промолвилъ: если приобрѣтешь ты всѣ богатства міра и овладѣешь всѣми стихіями земли, и тогда не унесешь ничего болѣе этого описаннаго участка, да и то если получишь его (IV, 30). Другой случай: Константинъ не любилъ лести и желалъ отучить другихъ, считающихъ ласкательство дѣломъ позволительнымъ. Разъ Константину пришлось вступить въ бесѣду съ однимъ изъ высшихъ лицъ духовныхъ. Имѣя намѣреніе доставить удовольствіе государю, это духовное лицо позволило себѣ назвать Константина «блаженнымъ» и затѣмъ добавило: «царь и въ сей жизни удостоился самодержавнаго надъ всѣми владычества и въ будущей станетъ управлять вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ». Константинъ выслушалъ эти слова съ неудовольствіемъ и замѣтилъ ласкателю, чтобы онъ впередъ не произносилъ подобныхъ похвалъ, а лучше бы молился о немъ, царѣ, да удостоится онъ въ будущей

ш) Евсевія. Похвальное слово К—ну, гл. 5.

жизни быть рабомъ Божиимъ (IV, 48). Къ сожалѣнію, историкъ замѣчаетъ, старанія Константина возвысить нравственный уровень лицъ, къ которымъ обращались его обличенія и вразумленія, рѣдко достигали своей цѣли (IV, 30).

Константинъ отличался великимъ человеколюбіемъ и благоговореніями. Какъ ни человеколюбивъ былъ отецъ Константина Констанцій, но человеколюбіе сына загмило собой человеколюбіе отца. «Константинъ съ самаго начала своей исторической дѣятельности привлекъ къ себѣ сердца многихъ, и всѣ увѣрены были, по словамъ одного современника, что онъ превзойдетъ своего отца въ добросердечіи и милосердіи»^{ъ)}. И ожиданія народа дѣйствительно не были обмануты. Константинъ настолько былъ не выскателенъ и человеколюбивъ, что нѣкоторые даже порицали его за эти качества, какъ неумѣстныя въ томъ положеніи, какое занималъ Константинъ (IV, 31. 54). Его человеколюбіемъ даже подчасъ злоупотребляли, втирались въ его довѣріе, но оказывались не заслуживающими царскаго расположенія. Милосердіе царя обнаруживалось нерѣдко въ такихъ фактахъ, которые кажутся почти невѣроятными, несмотря на ихъ историческую достовѣрность. Такъ непривычно встрѣчать въ людяхъ такіе поступки, какіе отличали человеколюбиваго царя. Война въ то время имѣла варварскій характеръ. Побѣдители не знали, что такое милосердіе. Побѣжденный врагъ обыкновенно дѣлался добычей меча. Желая смягчить жестокіе нравы воиновъ, Константинъ сдѣлалъ такое распоряженіе: всякій изъ его воиновъ, доставившій царю военно-плѣннаго врага цѣлымъ и невредимымъ, получаетъ опредѣленное вознагражденіе золотою монетою. Понятно, къ чему повело такое распоряженіе: «цѣлыя тысячи варваровъ, искуленные царскимъ золотомъ, были спасены отъ смерти» (II, 13). Столь же необычайно Константинъ относился и къ лицамъ

^{ъ)} Lactantij De mortibus persecutorum, cap. 18.

проигравшимъ процессъ, касавшійся какихъ-либо ихъ имущественныхъ правъ. Если случалось, что судебный процессъ двухъ тяжущихся изъ-за имущества лицъ восходилъ на разсмотрѣніе самаго царя и отвѣтчикъ проигрывалъ свое дѣло, то Константинъ, чтобы доставить утѣшеніе потерпѣвшей сторонѣ, давалъ человѣку, понесшему ущербъ, или деньги, или какія-либо вещи изъ собственной личной казны. Ему доставляло удовольствіе видѣть радующимся то лицо, которое по закону терпѣло убытки. «Такое великодушіе царя возбуждало общее удивленіе» (IV, 4). Императоръ всегда готовъ былъ преложить гнѣвъ на милость, если за какого-либо преступника являлся ходатаемъ предъ царемъ человѣкъ, достойный уваженія по своимъ добродѣтелямъ. Однажды былъ такой случай. Нѣкто изъ тѣлохранителей царя, къ которымъ онъ питалъ особенное довѣріе, совершилъ какой-то тяжкій проступокъ. Константинъ приговорилъ виновнаго къ тяжелому наказанію. Но преступникъ убѣждалъ, припалъ къ ногамъ одного подвижника Евтихіана и умолялъ его испросить ему пощады у царя. Подвижникъ, тронутый просьбами виновнаго, лично обратился къ царю и исходатайствовалъ прощеніе преступнику ^{в)}

Благотворенія щедролюбиваго царя лились широкимъ потокомъ, ибо, по выраженію историка, Константинъ «съ утра и до вечера изыскивалъ кому бы оказать благодѣяніе и благотвореніе» (IV, 27). Евсевій такъ описываетъ дѣянія щедролюбиваго государя: «онъ раздавалъ болѣе или менѣе денегъ бѣднымъ, также оказывалъ благодѣянія приходившимъ къ нему за помощію иновѣрцамъ, а нищихъ и брошенныхъ на произволъ судьбы, собиравшихъ милостыню на площадяхъ приказывалъ снабжать не только деньгами, но и необходимою пищею и приличною одеждою; тѣмъ же, которые, прежде живъ хорошо, въ послѣдствіи испытали неблагопріятную перемѣну обстоятельствъ, по-

в) Сократа. Церковн. исторія, I, 13.

могалъ съ еще большею щедростію, оказывалъ истинно-царкія благодѣянія, напримѣръ дарилъ земли. О дѣтяхъ, подвергшихся несчастію сиротства, заботился онъ вмѣсто отца; участь женъ, испытывающихъ безпомощное вдовство, облегчалъ собственнымъ покровительствомъ; а дѣвъ лишавшихся родителей и осиротѣвшихъ даже выдавалъ замужъ за извѣстныхъ ему и богатыхъ людей, и дѣлалъ это, напередъ давъ невѣстамъ все, что нужно было для приданого» (I, 43). Особенно много дѣлалъ Константинъ благотвореній въ день Пасхи. Константинъ, скажемъ мимоходомъ, ввелъ прекрасный обычай, чтобы въ пасхальную ночь по всѣмъ улицамъ Константинополя возжигались высокіе восковые столбы, «какъбы огненные лампы», такъ что «тайнственная ночь становилась свѣтлѣе самаго свѣтлаго дня», а лишь только наступало утро, царь ко всѣмъ несимущимъ простиралъ свою благодѣющую десницу, раздавалъ имъ всякаго рода подарки (IV, 22). Съ такою же щедростію раздавалась милостыня царемъ и по случаю семейныхъ радостныхъ событій, напримѣръ по случаю брака его сыновей (IV, 49).

Развлеченія царя носили характеръ скромности, благо-разумія и полезности. Къ любимымъ его развлеченіямъ принадлежали: ѣзда верхомъ, прогулки пѣшкомъ, гимнастика, фехтованіе. Всѣ эти полезныя развлеченія онъ позволялъ себѣ до глубокой старости. Они предохранили его отъ болѣзней и дали ему возможность до конца жизни сохранить юношескую бодрость (IV, 53). Они-то настолько укрѣпили его силы, что онъ въ молодости однажды вышелъ на единоборство со львомъ и остался побѣдителемъ^{ь)}. По случаю радостныхъ событій въ семействѣ мы видимъ Константина гостепріимнымъ хозяиномъ, душою общества. Онъ дѣлалъ распоряженія о пирахъ и обѣдахъ. Самъ угощалъ роскошными снѣдками гостей. Здѣсь выходилъ навстрѣчу поѣздамъ мушкетеровъ, тамъ привѣтливо принималъ хоробы женщины. Такъ было, когда справля-

ь) Lactantii. De mort. persecut., cap. 24.

лась свадьба дѣтей Константина (IV, 49). Веселье царило во дворцѣ и на улицахъ, но къ нему не примѣшивалось ничего нескромнаго и соблазнительнаго.

Оканчивая характеристику перваго христіанскаго государя со стороны религіозной и нравственной, скажемъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его. Послѣдніе дни и кончина Константина служатъ достойнымъ завершеніемъ христіанской и благочестивой жизни этого императора. Еще задолго до смерти Константинъ началъ приготовляться къ ней. Такъ Константинъ построилъ въ Константинополѣ храмъ въ честь двѣнадцати апостоловъ. Храмъ украшенъ былъ двѣнадцатью ковчегами во славу лика апостоловъ, а посреди этихъ ковчеговъ устроена была гробница. Сначала оставалось неяснымъ, зачѣмъ здѣсь поставлена гробница, а потомъ это разъяснилось. Оказалось, что эту гробницу воздвигъ себѣ Константинъ, еще задолго до смерти (IV, 60). Мысль о смерти стала предметомъ напряженнаго размышленія для Константина, какъ скоро онъ началъ чувствовать, что конецъ его не далекъ (IV, 55). А когда постигла его предсмертная болѣзнь, онъ всецѣло предался религіознымъ упражненіямъ. Извѣстно, что въ древнія времена церкви христіанской многіе принимали крещеніе въ зрѣлыхъ лѣтахъ или даже въ старости. Происходило это изъ опасенія, какъ бы содѣлавными послѣ крещенія грѣхами не прогнѣвать Бога и не лишиться Его милостей. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и Константинъ. Впрочемъ, какъ сейчасъ увидимъ, у царя была и другая причина, побуждавшая его повременить принятіемъ крещенія. Лишь только Константинъ почувствовалъ, что гѣлссныя силы его ослабѣваютъ и кончина его близка, онъ съ ревностію началъ изливаться молитвы предъ Богомъ, исповѣдовать свои грѣхи и учащенно преклонять колѣна (IV, 61). Это было въ городѣ Елеонополѣ, гдѣ онъ лечился теплыми ваннами. Отсюда въ виду сильнаго упадка силъ, царь переправился въ Никомидію, гдѣ

и воспринялъ св. крещеніе ^ѣ). Предъ крещеніемъ умирающій императоръ сказалъ рѣчь такого содержанія: «пришло желанное время, котораго я давно жажду и о которомъ молюсь, какъ о времени спасенія. Пора и намъ принять печать безсмертія, приобщиться спасительной благодати. Я думалъ сдѣлать это въ водахъ рѣки Иордана, гдѣ въ образъ намъ принялъ крещеніе самъ Спаситель; но Богъ, вѣдающій полезное, удостоиваетъ меня этого здѣсь». Принявъ крещеніе, Константинъ «ликовалъ духомъ, обновился и исполнился радости и живо почувствовалъ дѣй-

ѣ) Иные западные, какъ свѣтскіе, такъ и церковные историки, не сочувствующіе дѣятельности Константина, проникнутые рационалистическими наклонностями, желая поставить въ неловкое положеніе православную Церковь, причислившую Константина къ лику своихъ святыхъ, останавливаются съ особеннымъ вниманіемъ на томъ фактѣ, что императоръ крещенъ въ Никомидіи; а такъ какъ извѣстно, что въ это время никомидійскимъ епископомъ былъ Евсевій, человѣкъ аріанскаго образа мыслей, то указанные историки съ торжествомъ объявляютъ, что, значить, Константинъ крещенъ аріаниномъ и есть аріанинъ. Но Евсевій историкъ не говоритъ, что Константинъ былъ крещенъ Евсевіемъ никомидійскимъ, а ясно утверждаетъ, что онъ крестился отъ „собора епископовъ“ (IV, 61). Изъ кого состоялъ этотъ соборъ—неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что въ этомъ соборѣ участвовалъ и Евсевій никомидійскій, но едва ли ему принадлежало первенствующее мѣсто здѣсь: Константинополь весьма близко отъ Никомидіи, поэтому есть всѣ основанія полагать, что патріархъ столицы св. Александръ пріѣхалъ на соборъ въ виду важности дѣла, и занялъ на соборѣ первенствующее мѣсто. Правда, Александръ былъ очень старъ, но вѣдь онъ прожилъ послѣ того еще три года, управляя Церковію.—Въ одномъ семинарскомъ учебникѣ по гражданской исторіи мы прочли извѣстіе, что К—на крестилъ Евсевій кесарійскій. Откуда составитель могъ занять такое странное свѣдѣніе? Конечно ни откуда. Евсевій тщательно отмѣчаетъ, сколько разъ онъ видѣлся съ Константиномъ, и не упоминаетъ, чтобъ онъ видѣлся съ послѣднимъ предъ смертію его. Полагаемъ, что семинарскій ученый прочелъ гдѣ-нибудь извѣстіе, что К—нъ крещенъ Евсевіемъ никомидійскимъ, соблазнился этимъ, и не думая много, превратилъ Евсевія никомидійскаго въ Евсевія кесарійскаго, извѣстнаго церковнаго историка. Поступлено хоть и остроумно, но ужь никакъ не похвально.

ствіе благодати». Онъ «одѣлся въ царскую одежду, блиставшую подобно свѣту (бѣлую), и опочилъ на ложѣ, покрытомъ бѣлыми покрывами, а багряницы—этого царскаго отличія—не хотѣлъ уже касаться» (IV, 62). Потомъ «высивъ голосъ, онъ вознесъ къ Богу благодарственную молитву и въ заключеніе сказалъ: теперь я сознаю себя истинно блаженнымъ; теперь я достоинъ жизни безсмертной; теперь я вѣрую, что я приобщился божественнаго свѣта». Константинъ скончался въ день Пятидесятницы, 337 года (IV, 63—64).

Еще при жизни своей Константинъ получилъ въ Церкви христіанской наименованіе равноапостольнаго; это наименованіе съ тѣхъ поръ навсегда упрочилось за нимъ въ христіанской исторіи (IV, 71). А жизнеописатель Константина, церковный историкъ Евсевій воздалъ ему честь, наименовавъ его «Великимъ»^{а)}. Съ этимъ именемъ Константинъ извѣстенъ въ исторіи всемірной. Кромѣ того Евсевій даетъ ему другія почетныя названія, напримѣръ: «чудодѣльщикъ» (III, 6) и проч.

Константинъ Великій является самымъ типическимъ лицомъ изъ числа христіанскихъ византійскихъ монарховъ. Все, въ чемъ проявлялась религіозность перваго христіанскаго императора, въ чемъ выражалась его христіанско-нравственная жизнь, въ чемъ обнаружилась его любовь къ Церкви и преданность священноначалію,—все это стало съ тѣхъ поръ образцемъ для подражанія преемниковъ Константина на Византійскомъ престолѣ. И хотя ни одинъ изъ послѣдующихъ вѣщеносцевъ византійскихъ не повторилъ свою жизнь и дѣятельностію Константина, не сдѣлался такимъ полнымъ воплощеніемъ религіозно-нравственнаго духа христіанскаго, какимъ былъ первый византійскій монархъ, но многіе изъ нихъ несомнѣнно шли по его стопамъ, подражая въ большей или меньшей мѣрѣ первообразу истинно-христіанскаго царя. Усвоить тѣ или другія

^{а)} Евсевія. Похвальное слово Константину, гл. 1.

черты религиозно-нравственной жизни Константина было задушевнымъ стремленіемъ лучшихъ византійскихъ монарховъ. Такіе византійскіе императоры, какъ Θεодосій Великій, Θεодосій Младшій, Маркіанъ и особенно супруга его Пульхерія, Юстиніанъ Великій, Маврикій, Константинъ Погонатъ, Ирина, Θεодора (IX в.), Василій Македонянинъ, Левъ Мудрый, Константинъ Порфирородный, Алексій I Комнинъ—были, по мѣрѣ возможности, носителями и выразителями религиозныхъ свойствъ основателя восточной столицы римской имперіи. Нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами византійскихъ царей и царицъ, какъ извѣстно, Церковь причислила наравнѣ съ Константиномъ Великимъ къ лику святыхъ. Идеаль истинно благочестиваго христіанскаго царя слился нераздѣльно въ сознаніи позднѣйшей исторіи съ именемъ Равноапостольнаго Константина; поэтому, когда хотѣли похвалить какого-либо византійскаго государя, то всегда говорили: «онъ—второй Константинъ». Такъ возглашали отцы четвертаго вселенскаго собора, желая почтить благочестивую дѣятельность императора Маркіана.

А. Лебедевъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**